

МИФЫ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА: РАССУЖДЕНИЕ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ СВОБОДЕ И ТОЛЕРАНТНОСТИ

Толерантность как явление стала актуальна благодаря неимоверно расширившейся информационной свободе современного человека, обозначив этап нового революционного развития этики и вообще нового отношения к действительности. Не случайно это понятие возникло в момент глобальных информационных преобразований и неуклонно расширяющихся коммуникативных возможностей современного общества. Здесь толерантность выполняет очень важную функцию, выступая в качестве постмодернистского инструмента, осуществляющего деконструкцию традиционной культуры, нивелируя нормы высокой этики, эстетики и образования, устранив из них такой важный элемент, как требование.

Ключевые слова: толерантность, информационная свобода, современный человек.

Понятие толерантность вошло в наш лексикон сравнительно недавно и сразу сделалось наиболее употребимым термином современной этики. Этика традиционная, долгие годы ничего не зная о толерантности, вполне обходилась без этого нововведения. Что же стало его причиной? Что привело к подобной инновации в изначально консервативной области морали, где перемены всегда незначительны и при этом требуют наиболее долгой апробации? Как маловыразительный в смысловом отношении термин сделался вдруг самым употребимым и обсуждаемым во всех областях общественной жизнедеятельности? При этом под толерантностью почти всегда понимают некую абсолютную ценность, к которой необходимо стремиться и которой очень не хватает в современном обществе для всеобщей гармонии. Что же такое толерантность? Чаще всего это понятие определяют через элементарный перевод, как терпимость или необходимость сдержанного, политкорректного, уважительного отношения к любому человеку [23, 457; 20, 477; 19, 504; 3, 363; 21, 19; 7, 67]. Что же здесь нового, расширяющего рамки привычного гуманизма? Терпеливость, вежливость, уважение к ближнему, к человеку как олицетворению высшей ценности существовали в традиционной этике всегда, и нет ничего нового в их соединении в рамках одного абстрактного понятия.

Таковыми в истории были куртуазность, благородство, интеллигентность, и каждое понятие соответствовало своей эпохе, где в новых социально-экономических условиях вносило необходимые коррективы в систему традиционных представлений. Так, например, сословная иерархия общества предполагала уважи-

тельное и терпеливое отношение к равным по статусу, который обеспечивало соответствующее происхождение, родословная. Отсюда титулование и церемониал как демонстрация уважения к достойным, с одной стороны, и уничижительная практика поклонов и падения ниц для недостойных, с другой. Терпение и вежливость выступают здесь как мера куртуазного благородства – оскорбляя равного, оскорбляешь в том числе и себя, свое сословие, покушение же на статус вышестоящего вообще трактуется как преступление. В то же время излишне мягкое и панибратское отношение к стоящему ниже на иерархической лестнице, с точки зрения этики этого исторического периода, не что иное, как унижение и утрата благородства для любого аристократа.

Интеллигентность как инструмент качественно новой индустриальной эпохи была призвана устранить или пересмотреть некоторые правила куртуазной этики, не соответствующие времени. Достойным поведением теперь считалось не обусловленное происхождением, а укладывающееся в рамки определенного воспитания и образования, получаемого вне зависимости от сословного статуса. Социальный круг имеющих право претендовать на благородство и знание хороших манер потенциально расширился, но не устранил жесткого отбора среди предполагаемых соискателей. На уважение, терпеливое отношение, вежливость по-прежнему могли рассчитывать только те, кто не отступал от строгих принципов, устанавливаемых высокой культурой данного социума. По сути, это были принципы, выработанные общечеловеческой культурой за весь долгий срок ее существования. Прошедшие испытание временем, обду-

манные и взвешенные многими неординарными людьми, эти идеи предполагали наличие четкого разделения в людях животного и человеческого начала, возможность совершенствовать человеческую природу, устраняя из нее низменные, не соответствующие идеалу качества. Предполагалось, что любой человек способен подняться по этой иерархической лестнице, усложняя свою структуру, поступательно приобретая в ходе эволюции такие сложные элементы характера, как стыд, долг, совесть, альтруизм, благородство – понимаемое теперь как совокупность перечисленных выше качеств, способных к саморегулированию и развитию. Однако уровень требований был по-прежнему очень высок и для большинства представителей рода человеческого совершенно непреодолим, признавался ими только формально по установившейся традиции и благодаря конформизму масс. Несмотря на предоставленную перспективу, доступность образования, литературы, искусства, обыватель по-прежнему предпочитал удовлетворять первичные потребности, нарушая или игнорируя любые требования, мешающие в борьбе за существование. В подобных случаях интеллигентность никогда не демонстрировала и не провозглашала терпимости, это непременно привело бы к утрате оберегаемых ею ценностей [15, 129-137; 9, 15].

Напротив, именно борьба с общественными пороками стала главной темой высокой культуры. В литературе, искусстве, общественной деятельности самым заметным, неотчуждаемым признаком достойного, героического поведения была несгибаемая способность противостоять низменному – глупости, подлости, предательству. Еще совсем недавно эта тема привычно звучала в поэзии Владимира Высоцкого: «...если руки сложа наблюдал свысока, а в борьбу не вступил с подлецом, с палачом, значит, в жизни ты был не при чем, не при чем. Если, путь прорубая отцовским мечом, ты соленые слезы на ус намотал, если в жарком бою испытал что почем, значит, нужные книги ты в детстве читал» [6, 31]. Поэтому, видимо, такими значимыми образами для этой культурной традиции стали Дон Кихот и Гамлет, Сократ и Джордано Бруно с их непримиримым стремлением к истине и героическим энтузиазмом.

О терпимости к любому мнению и поступку в этой традиции не может быть и речи – это

было бы равносильно гибели всего миропорядка, по сравнению с чем даже собственная смерть – потеря ничтожная. Любое отклонение от нормы, как и прежде, требовало немедленной реакции, призванной восстановить пошатнувшееся равновесие.

Однако в отличие от животного мира [11, 30-41], первобытности или даже куртуазной эпохи гуманистическая традиция, которую мы условно обозначили как интеллигентность, уже не способна к немедленному и жестокому пресечению неправды. Опираясь на выработанную познанием систему ценностей, которая предполагает изначальное равенство всех людей с последующей потенциальной возможностью самосовершенствования любого человека, культура интеллигентности перешла от кары и экзекуций к воспитанию. Воспитание и образование в рамках гуманитарной традиции должны были обеспечить поступательное развитие человека от простых форм существования, от детства и дикости с преобладающими в этот период первичными потребностями до высших форм сознательной деятельности с развитым ассоциативным мышлением. Осознание сложности и длительности этого пути заставило относиться терпеливей и снисходительней к совершающим первые шаги. Так, собственно, и начиналась педагогика, которая существенно расширила рамки допустимого искажения нормы, предоставляя возможность формирующемуся сознанию действовать самостоятельно, методом проб и ошибок, сравнивая результат и его себестоимость относительно существующего идеала. Но непременно на каждом этапе развития сохранялся высокий, неуклонно возрастающий уровень требований – поведения, знания, ответственности, что в целом и составляло культуру интеллигентности.

Толерантность явилась выражением нового этапа революционного развития этики и вообще нового отношения к действительности. Не случайно это понятие возникло в момент глобальных информационных преобразований и неуклонно расширяющихся коммуникативных возможностей современного общества. Здесь толерантность выполняет очень важную функцию, выступая в качестве постмодернистского инструмента, осуществляющего деконструкцию традиционной культуры, нивелируя нормы высокой этики, эстетики и образования,

устраняя из них такой важный элемент, как требование. Выше мы уже отмечали, что терпение не то же самое, что терпимость, а вежливость вовсе не подразумевает признания любого мнения и поступка в качестве допустимого. С развитием потребительского общества и неуправляемым внедрением рыночных отношений во все сферы человеческой жизнедеятельности любые ограничения обывателя – главного поставщика средств для многочисленных корпораций – стали восприниматься как нарушающие права и свободу личности. Просто произошло то, что в двадцатом веке предсказывали многие, и восстание масс завершилось их безоговорочным торжеством [17, 9-114; 12, 33-34].

Неслучайно самым заметным проявлением информационной эпохи стало широкое внедрение технокоммуникаций, программирование любой деятельности и неуклонно расширяющаяся индустрия услуг. Кроме получения прибыли важнейшей задачей этих процессов явилось стремление обеспечить потребителю наиболее комфортное существование и защитить его от традиционной культуры, ее завышенных требований и оценок. В зеркале этой культуры обыватель выглядит малопривлекательно, в иерархии ее ценностей все его способности и устремления ничтожны, требуют исправления или серьезных коррективов, предполагая длительную и трудную работу над собой, а главное – подобная культура ведет к непремному ограничению животных потребностей. Поэтому вся история человечества – это показательный пример сопротивления масс культурному преобразованию. Но и ничтожеством себя признать никто не желает, отсюда и произрастает необходимость провозглашения толерантности, признающей право человека оставаться таким, как он есть, даже если он подлец, лицемер, невежда, хам и т. п.

В качестве примера извечного противостояния культуры и человеческой дикости можно привести конфликт булгаковских персонажей – профессора Преображенского и Шарикова [4, 342-430], последний также не спешил расставаться с животными привычками, но при этом претендовал на уважение к себе, своему мнению, поведению и вкусу. Современная эпоха и этика толерантности, если следовать их логике, должны в корне изменить восприятие упомянутых персонажей. Шариков превращается в непри-

миримого борца за права человека и свободу выбора, а Преображенский становится узкомыслящим ретроградом, который навязывает другим свое субъективное мнение.

Таким образом, толерантность – это прежде всего явление информационное, освещающее и переименовывающее все виды деятельности современного человека с целью устранения из окружающей действительности понятия идеала, уравнивания любых ценностей и расширения границ нормы до бесконечности [18, 5-22; 22, 3-24]. Смысл этого процесса в попытке реализовать демократические ценности равенства и свободы на деле оказывается абсолютно виртуальным. Единственный на сегодня способ уравнивания общества достигается посредством информационной и смысловой идентичности, через включенность в единый информационный поток, формирующий одномерное человечество с одинаковыми у всех нехитрыми потребностями, поступками, мнением, модой, искусством, приземленным уровнем образованности и притязаний, где все предусмотрено программой и не противоречит ожиданиям публики.

Поэтому лозунгом толерантности потребительского общества, где успешность – единственный смысл существования, мог бы легко стать небезызвестный тост все того же Шарикова: «Желаю, чтобы все», – призванный всех уравнивать и защитить от излишней парадности и требовательности интеллигенции, отстаивающий право личности на свободу и самоопределение.

На самом деле никакой заботы о благополучии окружающих в реальных действиях Шарикова нет. Все его естественные поступки, направленные на реализацию своих прав, – это провокация очередного конфликта, угрожающая гибелью калабуховскому дому, его обитателям и миру в целом [4, 381].

Не может устранить конфликта из реальной практики и этика толерантности, которая фактически означает торжество равнодушия и устранение всяких принципов, отказ от спора и честной борьбы мнений в угоду лицемерию и малодушию, помогая оправдывать невмешательство в проблемы или нечистоплотное поведение других. Отсюда крайняя степень индивидуализации современного общества, фрагментация сознания и солипсизм, виртуализация межличностных отношений и обострение

конфликтов между конкурирующим в борьбе за свои права человечеством. Конфликтность, таким образом, явилась закономерным результатом всеобъемлющего упрощения и деградации. Сложное, требующее особой подготовки и воспитания в убыстряющемся процессе коммуникационного обмена данными, стало проигрывать простому, доступному и выгодному [1, 3-31; 5, 22-47; 24, 26; 10, 14-33]. В этике, например, неограниченная свобода выбора напроочь устранила понятие долга, сделав фразу «Я никому ничего не должен» наиболее употребимой формулой современной нравственности, а такие ключевые понятия морали, как совесть и стыд, активно вытесняются из обихода, трактуясь психологами как комплексы, мешающие нормальному (успешному) существованию. В эстетике подобная картина привела к торжеству стихийно формирующегося вкуса, не развивающегося, а приспособляющегося к действительности, игнорирующего воспитание и образование, не признающего образцов для подражания, выходящих за рамки среднестатистической нормы. Наука и образование превратились в поле карьерного роста и коммерческой деятельности. Творчество здесь все чаще сводится к удобной, устраивающей всех презентации с перечислением адаптированного фактического материала и расходящихся мнений, в которых утверждение однозначной истинности и общая идея уже отсутствуют, чтобы не оскорбить несогласных. Человеку вне зависимости от его способностей и подготовки предоставляется право самостоятельно выбирать точку зрения в любых вопросах. Авторитеты и традиция упраздняются, а истина становится явлением относительным.

История качнулась вспять от Сократа к софистам, но сделалась на порядок проще, ибо софистам приходилось опираться на логику и ораторское мастерство, в споре отстаивая правоту мнения, устраивающего их в данную минуту. В условиях же информационного шума современной эпохи прав тот, кто громче кричит и кто готов действовать наиболее простыми (низменными) и понятными (приземленными) средствами. Отсюда популизм, демагогия, карнавал имиджа и пиара, внедрение спецэффекта в любую деятельность, превращение культуры в шоу [2, 10-71; 13, 34-48]. Подобная общественная практика, усиленная внедрением в упомянутые

процессы компьютерных технологий, способствовала небывалой виртуализации. Стремительно и незаметно для многих уходят из реальности в мир идей такие фундаментальные для бытия человека понятия, как доверие, честность, дружба, любовь, уважение, альтруизм и еще многие другие, заменяясь юридическими контрактами, партнерскими отношениями и корпоративной этикой, одним словом – потребительством. Совпадающий вектор индивидуальных потребностей превращает человечество в толпу, единую и единообразную, но желание реализовать эти потребности приводит к жесткой конкуренции, агрессии и естественному отбору. Поэтому в современных условиях терпимость сохраняется только до тех пор, пока равнодушные друг к другу люди не вступают в реальный контакт, пока могут использовать друг друга с выгодой, пока им нечего делить, пока они не видят и не слышат друг друга.

Отсюда победное шествие Интернета и формирование сетевых сообществ. Но даже в Сети нельзя спрятаться от конфликтов (спам, вирусы, атаки хакеров и т. п.). Невозможно представить себе абсолютно изолированного человека или сообщество при всеобщей глобализации. Так что не приходится удивляться нарастающему ожесточению масс. Если традиционная культура, а вместе с ней и вежливость может быть по необходимости нивелирована, то закон естественного отбора сохраняется, и малейшее столкновение интересов ведет к агрессии и конфликту более мощному, чем раньше, потому что лишенное комплексов поколение готово отстаивать свои интересы любыми средствами.

Таким образом, требование толерантности может привести только к нарушению в сознании человека баланса между индивидуальным началом и социальными принципами, устраняя возможность контроля и ограничения личности со стороны коллектива, превращая уважение к другим в формальность [16, 17-92; 25, 191-207; 8, 546-556]. Уровень ценности своего Я при этом вырастает настолько, что элементарная вежливость к оппоненту становится просто невозможна, потому что непривычна и ничем не обоснована. Отсюда главное противоречие новой этики – требуя толерантности от других, человек сам готов нарушить этот принцип в любой момент по необходимости и потому, что

не признает никаких принципов. На практике этот процесс приводит сегодня к американской экспансии, терроризму, распаду института семьи, национальным и межрелигиозным конфликтам, сутяжничеству и очередному формированию привилегированных сословий. Складывающаяся в мире ситуация позволила даже некоторым философам назвать происходящее новым варварством и возвращением к феодальной эпохе [14, 49-65].

Конечно, может быть, все не так плохо и многие процессы, изложенные выше, еще вполне обратимы, но каким бы ни было будущее, в нем нет и не может быть места для толерантности даже в качестве виртуального понятия.

Высоцкий выразил надежду на это в балладе о времени, где его лирический герой из темного средневековья спрашивал у счастливых потомков: «...но неправда ли, зло называется злом даже там, в добром будущем вашем» [6, 52]!

Список использованной литературы:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
3. Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2000.
4. Булгаков М.А. Собачье сердце \ Морфий. М.: Молодая гвардия, 1991.
5. Бэж У. Общество риска. М.: Логос, 2003.
6. Высоцкий В.С. Избранное. М.: Эксмо, 2001.
7. Дробижева Л.М. Толерантность и рост этнического самосознания: пределы современности // Толерантность и согласие. М.: АСТ, 1997.
8. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2007.
9. Карпунин О., Макаревич Э. Интеллигенция в обществе риска // Диалог. 2003. №7.
10. Ласло Э. Макросдвиг. М.: Логос, 2004.
11. Лоренц К. Агрессия. М.: Прогресс, 1994.
12. Лэш К. Восстание элит. М.: Логос, 2002.
13. Мионов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник МГУ. Сер. 7. 2006. №4.
14. Мотрошилова Н.В. Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вестник МГУ. Сер. 7. 2006. №4.
15. Нахушев В.Ш. Интеллигенция как сообщество пассионариев // Социологические исследования. 2006. №6.
16. Ницше Ф. Антихристианин \ Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990.
17. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2005.
18. Покровский Н.Е. Проблема аномии в современном обществе. М.: МТИМО – Университет, 1995.
19. Политическая энциклопедия. М.: Политиздат, 1999.
20. Словарь иностранных слов и выражений. М.: Эксмо, 1998.
21. Тишков В.А. О толерантности // Толерантность и согласие. М.: АСТ, 1997.
22. Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. №11.
23. Философский энциклопедический словарь. М.: Политиздат, 1997.
24. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2004.
25. Цаплин В. Странная цивилизация. М.: АСТ, 2006.